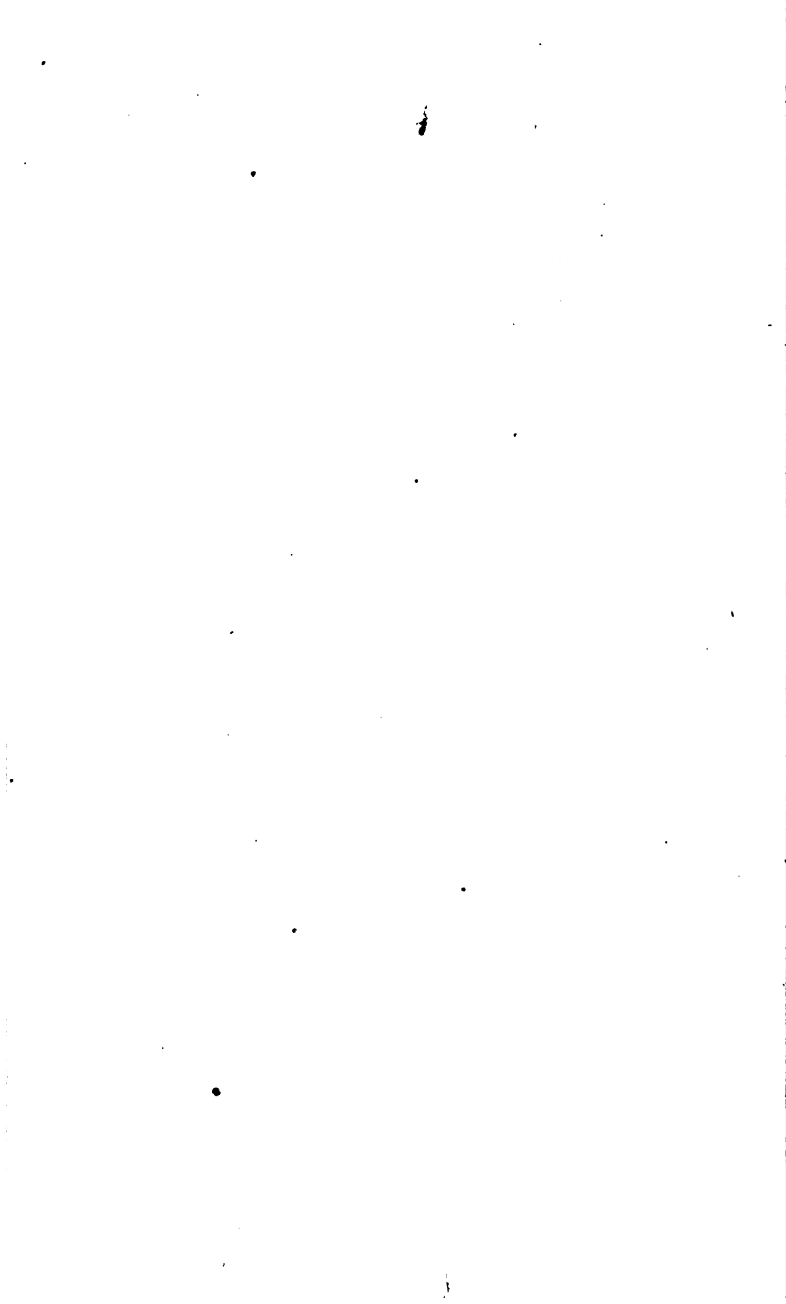

НА УЛИЦѢ

И

ЕЩЕ КОЕ-ГДА

НА УЛИЦѢ

И

ЕЩЕ КОЕ-ГДѢ

ЛИСТКИ

ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ

А. ШЕЛЮТОВА

А. Шелютовъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

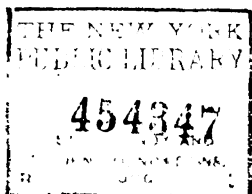
ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА М. О. ВОЛЬФА

1865

ВЪЗНЕСЕНА

ВЪЗНЕСЕНА

ВЪЗНЕСЕНА

Дозволено ценсурою. Октября 10 дня 1864 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

У литераторовъ бываютъ памятные книжки. Это не дневники какихъ-нибудь гонораріевъ и издержекъ, а летучія замѣтки всякаго рода случаевъ, анекдотовъ и наблюденій, на какія человекъ наталкивается въ жизни. Это пестрый матеріалъ для будущихъ сочиненій, камешки еще не существующей мозаики, соль и перецъ, которыя пойдутъ на приправу какихъ-нибудь романовъ или комедій.

Какую откровенно, — и у меня есть такая-же записная книжка, и начата она тоже [не безъ задней мысли воспользо-

Секрет № 2.22
Jan 21 1899

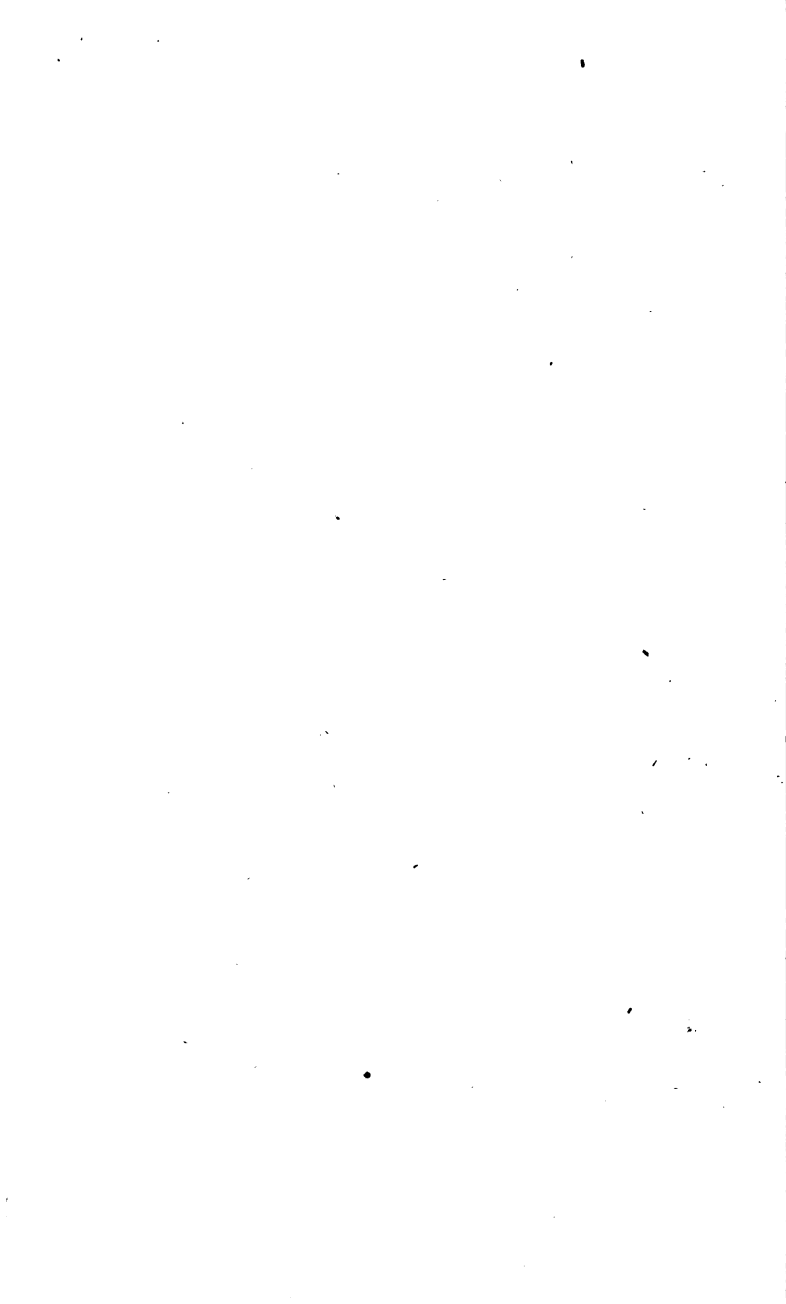
ваться когда-нибудь этими замѣтками для литературныхъ разсказовъ, а можетъ-быть и повѣстей. Но къ сожалѣнію для меня, и вѣроятно къ выгодѣ для читателей, до-сихъ-поръ мнѣ ничего не пришлось сдѣлать изъ этихъ давно собранныхъ матеріаловъ.

Между-тѣмъ, перебирая свою памятную книжку, я нашелъ въ ней листки, которые могутъ быть интересны не столько въ комедіи или романѣ, какъ въ безыскусственномъ видѣ, безъ примѣси вымысла и безъ услугъ фантазіи. Есть факты, достойные вниманія только въ томъ случаѣ, когда ихъ передаютъ безъ всякихъ измѣненій, безъ малѣйшаго пособія искусства. Живопись всегда останется выше фотографіи, но иногда и дагерротипъ можетъ быть дороже изящной картины. Въ записной моей книжкѣ есть именно такія замѣтки, которыя любопытны только какъ самородки: связать ихъ съ какимъ-нибудь вымысломъ значитъ отнять у нихъ цѣну достовѣрныхъ фактовъ, то-есть

лишить того, чѣмъ онѣ только и могутъ быть интересны.

Вотъ почему я рѣшился просто вырвать эти листки и передать ихъ въ томъ самомъ видѣ, какъ они были въ книжкѣ. Въ замѣткахъ этихъ все стало-быть ограничивается съ моей стороны одной памятью — вымысла и искусства тутъ нѣтъ никакого: это просто истинные случаи, которые я записывалъ съ возможной точностью. Передаю ихъ почти буквально, а дѣлать выводы предоставляю самимъ читателямъ.

I

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ

Зимой мнѣ нужно было какъ-то ѣхать къ Смольному-монастырю. Передъ домомъ стояло трое извозниковъ, которые наперерывъ и предложили мнѣ услуги. Я сѣлъ въ сани: лицо извозника показалось мнѣ знакомымъ.

— Ты всегда стоишь у нашего дома? спросилъ я.

— Почитай, кажинный день.

— И тебя не отгоняютъ?

— Для-чего отгонять! Дворники-то земляки, съ Филипомъ мы изъ одной деревни: иной разъ въ харчевню сводишь, а иной поможешь — панель поскребешь, али подметешь мостовую; значить, и имъ хорошо.

— Да вы откуда-же?

— Тульскіе, батюшка, епифанскаго-уѣзда.

Мнѣ вздумалось поговорить съ мужикомъ обѣ ихъ сторонѣ.

— Что у васъ въ уѣздѣ — началъ я — гористыя мѣста или ровныя?

— Ровныя, батюшка, поля все чистыя; одно поле есть такое, что на десятки верстъ во всѣ стороны тянется.

— Какое поле? прозывается оно какъ-нибудь или нѣтъ?

— Да зовутъ его въ народѣ-то Куликово-поле.

— Ты бывалъ на немъ?

— Чего бывать! да наша деревня-то прямо на этомъ полѣ и стоитъ; мы тутъ и родились.

— Отчего-же оно называется Куликовымъ?

— А тутъ, старики рассказываютъ, было побоище съ Литвой, такъ съ-тѣхъ-поръ по этому самому поле-то и прозвали Куликовымъ.

— Давно это было?

— Давно, батюшка: я не помню, да у насъ въ деревнѣ есть старики старые, и тѣ не помнятъ; отъ отцовъ только слыхали — надо думать, лѣтъ по за-сто было.

— Какъ-же у васъ старики про это побоище рассказываютъ?

— Много толкуютъ — всего не переслушаешь!

— Что-же такое? расскажи.

— А вотъ видишь-ли, баринъ: былъ у насъ въ-тѣ-поры, говорятъ, царь, по прозванію Дмитрій Солунскій. Сидѣлъ-то этотъ царь на Москвѣ; а былъ онъ такой вишь царь, что и до Бога-то былъ прибѣжливъ, да и къ народу жалосливъ — болѣзнь значить ко всѣмъ православнымъ-то. Вотъ и не взлюбила его за это самое Литва поганая; по ненависти-то по своей, и замыслила погубить. Собралась она проклятая у Синяго-моря и пошла къ Воронежу, вотъ гдѣ нынѣ святитель Митрофанъ лежитъ. А Митрофана-то еще тогда не было, а жили на Воронежѣ старицы черныя. Ну, и приходитъ Литва-то къ старицамъ, а старицы-то были искусницы-мастерицы, земчугомъ все ризы на церкви вышивали. Нехристь-то и захватила старицъ, да и говоритъ имъ: «Вышейте, говоритъ, мнѣ земчугомъ по черному сукну образъ вашего царя Дмитрія; хочу я его по этому самому образу наговоромъ обговорить и лихими чарами извести!» Выслушавши это, старицы-то святые опечаловались. А Литва въ-тѣ-поры грозить имъ: не вышьете-моль образа, такъ всѣхъ васъ лютымъ казнямъ предамъ. Горевали, плакали черницы-то, да и припялись образъ выши-

вать: смерти-то значить испужались. Нижутъ онѣ зерна-то, да глядять — работа совсѣмъ не спорится: земчугъ-то у нихъ все значить теряется, на сукно не попадаетъ, ровно скрозь землю куда гинетъ... А Литва-то ужъ за дубѣ беретъ... Всплакались старицы и видять, чудо дѣется: плачутъ-то онѣ знаешь горько, слезы проливають, а слеза кажинная на сукно падаетъ, да въ зерно бурмитское и оборачивается; а ликъ-то царскій изъ слезъ святыхъ, ровно изъ земчугу, и проступаетъ. И молятся старицы за царя-то Дмитрія и диву божьему дивятся. А Литва треклятая понукаетъ ихъ, скорѣе бы образъ-то шили. Вотъ только дѣло ужъ къ концу подходитъ: весь ликъ-то царскій во всемъ знаешь видѣ, какъ есть быть, очей только не доставало. Литва-то пуще прежняго кричить, торопить благимъ-матомъ, да экой дубиной что-ли на самую старую-то старицу и замахнулась. Старица-то всплакалась — двѣ слезы изъ глазъ у нея выпали, покатались по сукну, да прямо въ очи царскія и оборотились; а очи-то эти такъ глянули на Литву, что совсѣмъ ее и послѣпили; въ глазахъ у нея потемнѣло, такъ ровно оморокъ какой ее проклятую ошибъ. А тутъ съ неба-то въ-тѣ-поры бѣлый облакъ спустился, да старицъ

всѣхъ ровно такъ окуталъ и подхватилъ вмѣстѣ съ образомъ-то, да подхвативши и перенесъ ихъ въ Москву, прямо во дворецъ царскій, къ царю Дмитрію-то. И повѣдали ему старицы о томъ, какъ Литва замышляетъ извести его нечистыми чарами; а царь-то образъ свой поставилъ въ соборъ али въ монастырь, а послѣ-того собралъ большую рать-силу и пошелъ на Литву. Вотъ сошлись они предъ нашей деревней-то значить, на Куликовомъ-полѣ, да царь Литву поганую тутъ и побилъ. Вотъ оно каково наше Куликово-поле!

— А какъ-же я слыхалъ, будто на вашемъ полѣ побили татаръ?

— Можетъ-статься, только объ татарахъ теперь у насъ не слыхать.

— Какъ-же говорятъ, что побоище это называется мамоево, потому-что побили царя татарскаго Мамай!

— Оно точно, побоище зовутъ мамевымъ побоищемъ, да ужъ это все по Литвѣ, а про такого царя, какъ ты говоришь, у насъ не слышно.

— Ну, а скажи, пожалуста: вѣдь на мѣстѣ, гдѣ было сраженіе, поставили, кажется, какой-то монументъ или памятникъ?

— Какъ-же, поставили, давно ужъ поставили—памятникъ-то оно не памятникъ, а столбъ такой

каменный. Мы думали перва-на-перво, что часовню строят; ребята болтали, что вишь и образъ-то царя Дмитрія Солунскаго съ Москвы принесутъ, а какъ построили — ну, и обозначился столбъ одинъ....

— А ты не видалъ, какъ его открывали?

— Какъ не видать! видѣлъ. Будетъ ужъ намъ этотъ столбъ-то памятенъ; въ вѣкъ не забудемъ.

— Отчего?

— Да это время было намъ, что твой литовскій погромъ, и на полѣ-то на этомъ самомъ такое вышло у насъ побоище, что почитай не хуже мамаева.

— Какъ такъ?

— А вотъ видишь ли, батюшка: памятникъ-то этотъ задумали открывать подъ осень, оттого вишь, что Литву-то въ эту самую пору побили. Ну, и вздумало начальство столбъ-то освятить, праздникъ этакъ отпраздновать. Губернатору въ Тулу и господамъ-то разнымъ повѣстки разослали, думали, что и царь изъ Питера наѣдетъ. Ну, а дороги-то къ намъ плохія: вотъ и начали народъ сгонять, со всего почитай уѣзда, новый путь вести, — а время-то было самое рабочее, мы еще съ хлѣбомъ не убрались. Вѣстимо, въ эту пору мужикамъ каждый день — кормилецъ, а ихъ

на дорогу погнали, да недѣли никакъ съ полторы и держали: куда мужичкамъ-то инымъ тяжело было! А опосля-того дѣло-то вышло такимъ способомъ: царь-то на праздникъ къ столбу не пріѣхалъ, а губернаторъ ради близости поворотилъ по старой дорогѣ; такъ онъ трудъ-то мужицкій ни за-что и пошелъ.

— Какое-же, говоришь ты, вышло у васъ тогда побоище?

— Большое побоище. Памятникъ-то господа хотѣли праздновать вишь пиромъ. На полѣ, около столба-то, загода поставлена была палатка, шатеръ знаешь этакой большой. Ну, а въ шатрѣ-то пиръ, какъ водится, изготовили. И про народъ-то черныи тоже господа не забыли, и его потѣшить захотѣли. А есть у насъ господа богатые, — ну, они складчину что-ли тамъ этакъ сдѣлали, да и выставили про мужиковъ-то калачей, пироговъ, браги, вина никакъ бочекъ пять. Вѣсть объ этомъ и разошлась, народу-то чернаго и собралось почитай со всей губерніи. А нашъ-то баринъ былъ значить хозяиномъ, за порядкомъ то-есть смотрѣлъ: такъ насъ-то вотъ онъ и приставилъ къ бочкамъ караульными, чтобы до указанной поры никому пить не давать. Ну, оно сперва-на-перво и ладно все было. Господь-то съѣха-